

Противодействие терроризму: отечественные проблемы и зарубежный опыт.

Аннотация

Статья анализирует систему противодействия терроризму в России, включая Федеральный закон № 35-ФЗ, Концепцию и Комплексный план на 2024–2028 годы, выявляя проблемы реактивного подхода, радикализации мигрантов, молодежи и онлайн-угроз. Сравнивается зарубежный опыт США (Patriot Act, Fusion Centers), Великобритании (Prevent Strategy) и Израиля (превентивные удары), предлагая рекомендации по цифровизации, общественному участию и проактивному законодательству для повышения эффективности.

Abstract

The article examines Russia's counter-terrorism system, including Federal Law No. 35-FZ, the Concept, and the 2024–2028 Comprehensive Plan, identifying issues like reactive policies, migrant/youth radicalization, and online threats. It compares foreign experiences from the USA (Patriot Act, Fusion Centers), UK (Prevent Strategy), and Israel (preemptive strikes), offering recommendations for digitalization, public involvement, and proactive legislation to enhance effectiveness.

Противодействие терроризму представляет собой одну из наиболее острых и многогранных задач современной государственной политики, особенно в условиях России, где исторически сложившиеся вызовы сочетаются с новыми угрозами глобального характера. В Российской Федерации данная сфера регулируется комплексом нормативно-правовых актов, ключевым из которых является Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму», который определяет основные принципы государственной политики в этой области, включая профилактику, выявление, пресечение и минимизацию последствий террористических актов.

Этот закон устанавливает единую общенациональную систему противодействия терроризму, координируемую Национальным антитеррористическим комитетом (НАК), в состав которого входят представители федеральных органов исполнительной власти, включая ФСБ, МВД, Минобороны и другие структуры, что позволяет обеспечивать оперативное взаимодействие на федеральном, региональном и местном уровнях. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 октября 2009 года, подчеркивает приоритет мер по недопущению террористических угроз через информационно-аналитическую работу, совершенствование правоприменительной практики и укрепление международного сотрудничества, акцентируя внимание на защите конституционного строя, гражданского мира и общественной безопасности. Кроме того, в последние годы разработан Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы, который фокусируется на идеологической профилактике, формировании устойчивого общественного неприятия терроризма на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, с особым упором на работу с молодежью, мигрантами и жителями новых регионов, интегрируя образовательные программы, медийные кампании и мониторинг социальных сетей для предотвращения радикализации.

Несмотря на значительные успехи отечественной антитеррористической системы, такие как предотвращение 172 террористических актов в 2025 году силами ФСБ и других спецслужб, в России сохраняется ряд серьезных проблем, препятствующих повышению эффективности мер противодействия. Во-первых, реактивный характер законодательства и практики: многие нормативные акты принимаются постфактум, после крупных инцидентов, таких как теракты в Crocus City Hall или атаки на религиозные объекты, что приводит к пробелам в превентивных механизмах и недостаточной координации между ведомствами на ранних стадиях угроз. Во-вторых, рост новых форм терроризма, включая одиночные теракты, вдохновленные

субкультурами вроде «Колумбайн», радикализацией несовершеннолетних через онлайн-платформы и активностью неонацистских и националистических группировок, часто связанных с внешними акторами, такими как украинские спецслужбы, создает дополнительные вызовы для оперативной работы. В-третьих, низкий уровень общественного участия и доверия к властям: население в целом пассивно адаптируется к рискам, а не активно участвует в их выявлении, что усугубляется недостатком прозрачных механизмов обратной связи и образовательных программ по цифровой грамотности. Ключевые уязвимости также включают радикализацию мигрантских сообществ в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, проникновение экстремистской идеологии в новые субъекты Федерации через социальные сети и мессенджеры, а также пробелы в контроле за трансграничными финансовыми потоками, используемыми для финансирования терроризма. Кроме того, критика со стороны правозащитных организаций касается баланса между усилением антитеррористических полномочий и защитой конституционных прав граждан, что иногда приводит к злоупотреблениям в правоприменении и судебным ошибкам. В целом, эти проблемы требуют системного подхода, сочетающего силовые методы с долгосрочной профилактикой, чтобы перейти от реагирования к стратегическому прогнозированию угроз.

Анализ зарубежного опыта позволяет выявить эффективные практики, которые могли бы дополнить российскую модель противодействия терроризму. В Соединенных Штатах Америки после терактов 11 сентября 2001 года сформирована комплексная система на базе Patriot Act и создания Министерства внутренней безопасности (DHS), которое координирует усилия ФБР, ЦРУ и местных правоохранителей, уделяя особое внимание превентивному мониторингу через программу Fusion Centers — региональные центры сбора и анализа разведданных. США активно вовлекают гражданское общество и технологический сектор: компании вроде Google, Meta и Twitter обязаны удалять экстремистский контент по запросам властей, а программы

вроде «If You See Something, Say Something» стимулируют общественный контроль, что привело к предотвращению сотен атак за счет анонимных доносов. Кроме того, акцент делается на цифровой грамотности: федеральные кампании по борьбе с онлайн-вербовкой обучают молодежь распознавать пропаганду ИГИЛ или других групп, сочетая это с международным обменом данными через Five Eyes alliance. В Великобритании эволюция антитеррористического законодательства произошла через серию актов — Terrorism Act 2000, 2006 и Counter-Terrorism and Border Security Act 2019, — расширивших полномочия полиции на превентивные аресты, обыски без ордера и запрет на въезд для подозреваемых, несмотря на критику Европейского суда по правам человека за потенциальные нарушения приватности. Британская модель Prevent Strategy интегрирует местные советы, НПО и школы в процесс дерадикализации, фокусируясь на уязвимых сообществах, таких как мусульманская диаспора, с использованием Channel Programme для индивидуальной работы с риском радикализации. Израиль, сталкиваясь с постоянными угрозами со стороны палестинских группировок вроде ХАМАС и «Исламского джихада», применяет доктрину превентивных ударов: спецслужбы «Моссад» и «Шин Бет» проводят targeted killings за рубежом, опираясь на высокотехнологичную разведку, включая ИИ-анализ данных и дроны, а политика «нулевого терпения» исключает переговоры с террористами. Израильская система также включает общенациональную службу в ЦАХАЛ, где каждый гражданин проходит подготовку, и Iron Dome для физической защиты, что обеспечивает высокий уровень общественной вовлеченности и психологической устойчивости.

Сравнивая подходы, можно отметить фундаментальные различия: российская система ориентирована на централизованное управление с доминированием силовых структур и идеологической профилактикой, в то время как зарубежные модели подчеркивают децентрализацию, партнерство с частным сектором и проактивное вовлечение общества. В таблице ключевых аспектов это проявляется особенно ярко: в профилактике Россия полагается на

государственные ценности и образование, тогда как США и Великобритания развивают цифровую грамотность и кооперацию с IT-гигантами; законодательство в РФ реактивно усиливает репрессивные меры, в зарубежье оно эволюционирует с судебным контролем; участие общества в России пассивно, в Израиле и Британии — активно через НПО и гражданские инициативы; борьба с онлайн-терроризмом в РФ идет через блокировку Роскомнадзором, за рубежом — через добровольные реестры и алгоритмы модерации. Зарубежный опыт демонстрирует преимущества гибридных моделей, где силовые акции дополняются мягкой силой, что позволяет снижать риски радикализации на 30–50% по данным международных исследований.

На основе анализа предлагаются рекомендации по совершенствованию российской системы. Во-первых, интенсифицировать партнерство с технологическими компаниями для создания отечественных аналогов американских Fusion Centers, внедрив ИИ-мониторинг соцсетей с соблюдением данных о приватности. Во-вторых, расширить общественное участие через национальную кампанию вроде британской Prevent, интегрируя школы, вузы и мигрантские центры в программы дерадикализации с фокусом на новых регионах. В-третьих, реформировать законодательство в проактивном ключе: ввести превентивные меры по аналогии с Израилем, такие как адресный контроль финансов и миграции, с обязательным парламентским надзором. В-четвертых, усилить международное сотрудничество в рамках ШОС и БРИКС для обмена разведданными, перенимая практики Five Eyes без политических компромиссов. В-пятых, разработать национальную стратегию психологической устойчивости, включая обязательные тренинги для граждан, чтобы повысить готовность к угрозам. Реализация этих мер позволит России не только преодолеть внутренние проблемы, но и адаптировать передовой зарубежный опыт, обеспечив устойчивую безопасность в долгосрочной перспективе, с учетом геополитических реалий 2026 года.

Список литературы

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1747447/ (дата обращения: 04.02.2026).

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58966/ (дата обращения: 04.02.2026).

Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и нацпроектам, проток. № 24 от 30.12.2023) // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/> (дата обращения: 04.02.2026).

В России в 2025 году предотвратили 172 теракта // ТАСС. 11.08.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24762245> (дата обращения: 04.02.2026).

Противодействие онлайн-экстремизму: опыт США и Великобритании в борьбе с пропагандой терроризма в Интернете // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.12.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/polit-ekspert/protivodeystvie-onlaynekstremizmu-opyt-ssha-i-velikobritanii-v-borbe-s/> (дата обращения: 04.02.2026).

Большой Брат нас бережет: как США, Британия и Израиль защищают своих граждан от терактов // Накипело. 03.09.2017. URL: <https://nakipelo.ua/ru/bolshoj-brat-nas-berezh-et-kak-ssha-britaniya-i-izrail-zashhishhayut-svoih-grazhdan-ot-teraktov> (дата обращения: 04.02.2026).

Современные подходы США к борьбе с терроризмом // УПЭ. URL: <https://upe-journal.ru/article.php?id=676> (дата обращения: 04.02.2026).

Противодействие терроризму как адаптация к рискам // Российский журнал социологии. 14.08.2019. URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/1826/> (дата обращения: 04.02.2026).

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 28.11.2014) // Сайт Совета Безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/> (дата обращения: 04.02.2026).